

*Эмилио Лопес Аранго и
Диего Абад де Сантильян*

**Позиция в отношении
анархизма и синдикализма**

Мы считаем, что можно было бы избежать значительной части полемики, идущей уже много лет между анархистами — сторонниками деятельности в рабочем движении и их противниками, если бы дело начали с определения значения основных терминов. Защитникам деятельности анархизма вне и помимо рабочего движения весьма просто брать слово «синдикализм» и синдикалистскую теорию и противопоставлять их требованиям анархизма, впадая в соблазн определять все рабочее движение как синдикализм. Между тем, как слово «синдикализм», так и соответствующая теория возникли значительно позднее, чем анархизм и — более того — чем современное движение организованного пролетариата.

Мы не смешиваем произвольно рабочее движение с синдикализмом. Для нас синдикализм — это революционная теория, которая возникает на пути революции чтобы замаскировать ее цели или подрезать крылья боевому идеализму масс. Совершенно ясно, что мы ни на минуту не можем усомниться в нашем выборе между этой теорией и анархизмом, поскольку считаем, что к свободе можно придти только через свободу и что революция может быть только анархистской, то есть либертарной, или ее не будет вовсе.

Можно сослаться на то, что синдикализм в своих истоках вдохновлялся анархизмом. Можно приводить имена Пеллутье и его товарищей. Мы не ставим под сомнение их добрую волю и не собираемся разбирать их небольшие ошибки. Но правда в том, что уже у Пеллутье можно было обнаружить некую основу того, что впоследствии нашло свое выражение в известной Амьенской хартии 1906 года. В ней говорилось:

«ВКТ объединяет вне всякой политической школы всех трудящихся, сознающих необходимость вести борьбу за исчезновение наемного труда и патроната. . . Конгресс заявляет, что эта декларация есть признание классовой борьбы, которую ведут на экономическом поприще трудящиеся, восстающие против любых форм эксплуатации и угнетения, как материальных, так и моральных, осуществляемых капиталистическим классом против рабочего класса.

Конгресс уточняет это теоретическое заявление по следующим пунктам. В ходе борьбы за повседневные требования синдикализм стремится к координации усилий рабочих, к повышению благосостояния трудящихся посредством осуществления немедленных улучшений, таких как сокращение рабочего времени, повышение заработной платы и т.д.

Но эта задача есть лишь один из аспектов работы синдикализма. Он подготавливает полное освобождение, которое может быть осуществлено только посредством экспроприации капиталистов. В качестве метода действий он использует всеобщую стачку и считает, что профсоюз, являющийся в настоящее время объединением сопротивления, станет в перспективе группой по производству и обмену, основой преобразования общества.

Конгресс заявляет, что эта двойная задача, в настоящем и в будущем, проис-

текает из положения наемных работников, которое тяжелым грузом лежит на рабочем классе и побуждает всех трудящихся, вне зависимости от их взглядов, их политической или философской тенденции, присоединяться к основному объединению, коим является профсоюз.

Вследствие этого, в том что касается индивидуальных лиц, конгресс объявляет полную свободу для члена профсоюза участвовать, помимо его профессионального объединения, в тех формах борьбы, которые соответствуют его философской или политической концепции, накладывая на него, в свою очередь, ограничение: не вносить в профсоюз мнения, которые он исповедует вне его.

В том что касается организаций, конгресс постановляет, что для максимальной эффективности синдикализма экономическое действие должно осуществляться непосредственно против патроната. Поэтому организации, входящие в конфедерацию, будучи профсоюзными группами, не занимаются партиями и сектами, которые вне их и рядом с ними могут иметь полную свободу бороться за преобразование общества».

Амьенская хартия до сих пор считается наиболее полным выражением синдикалистского учения. Оценивая ее так без какой-либо пристрастности, мы не можем не удивляться, как ее могли поддерживать анархисты и как ее можно обсуждать в наших собственных рядах. Увещевание Малатесты, призвавшего не смешивать анархизм с синдикализмом, кажется нам излишним. Ведь если эта амьенская декларация не есть полное отрицание анархизма, то уж не знаем, что она такое.

Французская ВКТ находилась посреди борьбы между анархистами и алеманистами, с одной стороны, и гедистами и другими тенденциями реакционных социалистов, с другой. Амьенская декларация под предлогом освобождения пролетариат от последствий споров между анархистами и гедистами намеревалась закрыть двери перед обеими тенденциями. Но в действительности она закрыла их для анархизма, которому современное французское рабочее движение обязано своим существованием. Последующие события, вплоть до наших дней, четко продемонстрировали, что Амьенская декларация имела лишь один эффект — исключение анархистского влияния из организованного рабочего движения. И за такое исключение выступили сами анархисты!

Сравним деятельность французских товарищей, которые мечтали о создании политически нейтральной среды в рядах пролетариата, с примером анархистов Аргентины, которые ценою громадных жертв отстаивали либертарные цели рабочего движения. Помимо последней по времени атаки 1920-1922 гг., отбитой нами с напряжением всех сил, мы столкнулись, например, с атакой 1915 года, в связи с IX конгрессом ФОРА, когда противники нашего движения, в массовом порядке вступившие в организацию в 1914 году, чтобы легче доминировать в ней, смогли на время сколотить большинство, проголосовавшее за исключение рекомендации в пользу анархистского коммунизма из

статутов федерации. Меньшинство с первого же момента понимало, что без анархистской цели и анархистского вдохновения рабочему движению будет недоставать революционной ценности. И прежде всего оно не сможет стать инструментом действия и пропаганды в пользу полной свободы. Понимание этого положило начало долгим месяцам упорной борьбы, пока явно деструктивные решения не были отменены.

Еще более четко, чем во французском синдикализме, как нам кажется, проявилось некогда намерение двигаться по пути идейной нейтральности на профсоюзной почве в Испании. В этой стране, бастионе анархистского рабочего движения, в 1888 году возникло намерение объединить всех организованных трудящихся под общей шапкой, исключая особые политические тенденции. Это была несчастливая идея, порывавшая со всеми революционными традициями, и, конечно же, она не могла привести к успеху. Рабочее движение в Испании, весь организованный пролетариат, с момента своего возникновения сознавало свои силы и смысл своей борьбы, поэтому было безумием уводя тысячи трудящихся от их освободительных идей в катастрофу количественного роста сил рабочей организации. За 2 года до «синдикалистского» конгресса в Барселоне в манифесте барселонской локальной федерации, опубликованной 11 мая 1886 г. а «Бандера сосиаль», говорилось: «Цель социальной революции охватывает следующие три пункта. Ликвидация государства. Экспроприация тех, кто присвоил себе всеобщее достояние. Организация общества на основе труда тех, кто способен заниматься производством; помощь тем, кто на это не способен, и тем, кто утратил способность к этому; интегральное физическое и научное образование для будущих производителей». В забвение этих целей, предусматривавших в первую очередь ликвидацию государства, в мае 1888 г. была создана Федерация сопротивления капиталу. Создатели были убеждены в том, что само сопротивление капиталу служит достаточно крепкой нитью, связующей различные части рабочего движения. Между декларацией принципов, принятой на этом конгрессе и несомненно написанной самими анархистами, и синдикализмом, победившем в Амьене, огромная разница. Но и здесь анархизм как непосредственный вдохновитель рабочего движения оказался под угрозой. Вот почему знаменитая Федерация сопротивления капиталу, базировавшаяся, без сомнения, на куда более ясных идеях, чем французский синдикализм, влачила всего лишь жалкое существование и прекратила его, распавшись и расчистив место для рабочего движения, которое гордится своими анархистскими идеями. Организованный пролетариат дошел уже до такого уровня своего духовного развития, что от него потребовали отказа от своих идей ради борьбы против якобы общего врага — капитализма. Это все равно что требовать от честных верующих тысячелетней давности отказаться от различия в концепциях о божественной природе ради создания общего единого фронта для борьбы с атеистами.

Если бы анархизм был просто философской концепцией, литературной шко-

лой или религиозным мифом, лишенным реального содержания в народной жизни, было бы нетрудно выработать идейный синтез. Достаточно было бы, чтобы некий гений по примеру древних пророков создал евангелие от свободы и чтобы учитель обзавелся достаточным количеством учеников, чтобы распространить свои доктрины в мире верующих.

Люди верят в то, чего вне реальности. Вера — великий вдохновитель социального прогресса. Те, кто верит, всегда одерживают победу над скептиками. Но сохранение человеческого религиозного духа в социальных доктринах имеет губительные последствия — их превращение в поклонение идолам. Результатом становятся отказ от личности, отрицание индивидуального прогресса, духовное рабство человека, который доверяет дело изменения мира внешней по отношению к нему силе.

Мы часто слышим от товарищей, верящих в синтез анархистского идеала, что не могут правильно истолковать анархизм те, кто не разбирается в доктринах учителей. Они устанавливают, таким образом, две категории сторонников: те, кто знаком с философскими основами и умеют отличить Прудона от Кропоткина и Бакунина от Толстого, и верующие, неспособные разобраться в различных трудных мыслительных абстракциях. И, естественно, среди первых все больше тех, кто удаляется от социальной борьбы или все чаще погружается в плачевные противоречия, а вторые с их верой и энтузиазмом, напротив, сохраняют анархистский дух и завоевания, достигнутые народами в длительной борьбе с господствующим деспотизмом.

Реальное выражение нашей борьбы и предназначение новых моральных завоеваний на трудном пути человечества состоит в том, что анархизм отличается от религиозных верований и политического мессианства. Анархист — человек веры: он верит в прогресс, в культуру, в качества, отличающие человеческое существо от других животных. Но он не вверяет никакому гению решение проблем жизни. Он ориентируется на свой идеал — Справедливость; его культ — это Свобода; его надежда — общее благо. И чтобы завоевать эти человеческие атрибуты он стремится к всеобщему счастью, веря только в свои собственные силы и не рассчитывая только на силу других индивидов.

* * *

Люди, которые верят в то, что они обладают анархистской верой и продолжают дело учителей, пытаются сойти с пути революционной пропаганды среди пролетариата. Оказавшись в окружении социального движения после добровольного ухода из наших рядов, они претендуют на то, чтобы соединить две крайности социализма — авторитарный и либертарный социализм.

Единственный аргумент, который они приводят — это опыт прерванной революции. Они основывают свою проповедь на реальности исторического движения, на неизбежной жестокости, порожденной господством людей и

классов, на моральной дезориентации, вызванной войной и истерией тех, кто хотел бы питать свою изголодавшуюся личность плодами жестокой бойни.

Для обновленцев, ослепленных милитаризацией пролетариата и обманутых красной волной, завершившей трагедию 1914 г., события 1917 года полностью изменили ход истории, опровергли пророков, которым верили больше всего, и разрушили веру народов в освобождение, не повторяющее ужасы религиозного деспотизма и государственной жестокости. Революция, заявляют они, — это проблема силы, диктатуры, авторитарности. А анархизм, находящийся в фундаментальной противоположности к организации насилия и сохранению диктаторских властей, которые ограничивают человеческую свободу и превращают пролетариат в своеобразного палача, не понимает, по их мнению, опыт войны и связанные с этим насущные потребности настоящего момента.

Эти обращенные в идеал диктатуры, в политическое мессианство и государственническую теологию сходятся с верующими в марксизм. Но чтобы удержать свои старые, добровольно оставленные позиции, они настаивают на своем отличии от ортодоксальных марксистов. Мы, заявляют они, согласны с диктатурой пролетариата только если она осуществляется через экономические органы пролетариата. Этой небольшой деталью они отличаются от тех, кто требует политической власти для рабочего класса, власти, которая должна вершиться авангардной политической партией. Однако анархо-большевики, как и диктаторские коммунисты поддерживают необходимость государства временного характера с целью организации сил революции и выступления единым фронтом против сил контрреволюции.

Они хотят сделать анархизм соучастником этих очевидных искажений, этого авторитарного извращения рабочего движения, вдохновленного порученцами Третьего Интернационала и диктатором Москвы. Чтобы оправдать защиту единых фронтов с большевистскими партиями, они ссылаются на аргументы, надерганные из статей Малатесты, Фаббри, Фора и многих других современных активистов. И чтобы заставить борющихся в наших рядах трудящихся поверить, будто большевистский феномен находит свое объяснение в доктринах предшественников, они искажают мысль Кропоткина и Бакунина, превращая их размышления над проблемами революции в вульгарное оправдание политической власти, затеянное коммунистами-государственниками.

Бесстыдство фарисеев в их отступлении перед марксистским сектором не знает границ. Согласно им, Кропоткин предвидел возможность переходного государства, . . . управляемого анархистами, а Бакунин проповедовал веру в диктатуру, упоминая о возможности рабочей диктатуры в конвульсивный период революции. Малатеста, Мелья, Фор, Фаббри, Роккер, Неттлау и т.д. также были якобы согласны признать за неизбежность авторитарное извращение революционного движения, порожденного русской революцией. Конечно же, дела всегда имеют большую ценность, нежели слова. От русской революции не осталось даже маски диктатуры пролетариата. Рабочее государство пре-

вратилось в буржуазное, а коммунизм — в политическое и экономическое проявление новой привилегированной и правящей касты. Какой же опыт могут почерпнуть из этой революции обратившиеся в большевизм? Не желая признать свою ошибку и разорвать компромиссы с московскими диктаторами, они настаивают на отличии их анархо-большевизма от диктаторского коммунизма. Но они остаются при фундаментальной ошибке, доверяя диктатуре миссию преобразования буржуазного мира и победы над капитализмом милитаризованной силой пролетариата.

Провал российского коммунизма означает в то же самое время упадок идеи диктатуры пролетариата и рабочего государства. Если большевики потерпели провал в своем намерении преобразовать общество сверху, то потому, что они использовали дурные средства. И нельзя защищать систему пропаганды, имевшую столь трагические последствия для революционного движения, полагая, что другие люди при тех же обстоятельствах придут к иным результатам.

* * *

Практика парламентаризма — хотя бы уже потому что она обособляет соглашательскую деятельность социалистов и все больше отдаляет их от позиции социалистической стороны — служила для утверждения в общественном движении всех стран нынешних доктринальных установок. Тех, кто признает политику как средство перехода к классовому сотрудничеству и «хорошему правительству», называют реформистами; тех, кто основывает триумф революции на прямом действии, — революционерами.

Возможно, эти определения служили на протяжении длительного периода относительного спокойствия, который закончился с объявлением европейской войны, чтобы отличать друг от друга различные движения по форме тактического использования классовой борьбы. Однако вначале великая бойня, а затем и русская революция — мощные ферменты диктатур, управляемых марксистским авторитаризмом, — лишили основания всякое оправдание старой концепции революции. Могут ли отвечать надеждам анархистов доктринальные туманности синдикализма, который объявляет себя нейтральным перед лицом борьбы тенденций, преобладающих в рабочем движении?

Необходимость реагировать на авторитарные проникновения в революционную пропаганду обязывает анархистов защищать свою доктринальную позицию и вступать в серьезные конфликты с теми, кто кажется идейно близким к ним. И первая школа, на которую натывается анархизм, возобновив свое продвижение после короткого периода нерешительности, — это как раз классический синдикализм, эта аполитическая теория, поставленная в центр революционного движения.

Аполитические реформисты встали на дорогу диктатуры. Они противопоставляют коммунистической формуле «диктатуры пролетариата» и рабочего

государства классическую оговорку: «вся власть синдикатам». Однако в действительности, исключая политическую тенденцию коммунистов и их явные диктаторские рецепты, нейтральный синдикализм фактически признает все существенные элементы марксизма: он основывает на экономическом господстве капитализма осуществление экономических целей, исключающее любую политическую и идеологическую определенность.

Вот он, менее известный выразитель реформизма! На протяжении многих лет социал-демократические вожди, которые одновременно руководили (и руководят) менее активным, но в количественном отношении более многочисленным пролетариатом, пытались разделить рабочий лагерь на две различные зоны влияния. Себя они именовали партийными социалистами и старались стать депутатами, сенаторами и даже министрами в реакционных правительствах, осуществляя классовое сотрудничество в ущерб самым элементарным правам трудящихся. И в то же самое время в профсоюзах они делали вид, что защищают экономические улучшения, вырванные у капитализма, и определяли ориентацию профдвижения, будучи бывшими рабочими, которые были завоеваны капиталистической средой, оказались фактически в лагере реакции и превратились в безликих лакеев капитализма.

Причины упадка революционного рабочего движения — группы, менее многочисленной, но более активной, которая до европейской войны удерживала свои авангардные позиции, пытаясь с помощью критики препятствовать любым шагам социал-демократических вождей, — реформистского отклонения тенденции, казавшейся результатом нашей пропаганды и солидной работы, проделанной анархистами на протяжении полувека революционной агитации и героической борьбы, мы должны искать в туманности доктрин чистого синдикализма. Синдикализм не смог стать доктриной, несмотря на усилия некоторых теоретиков, стоявших на пограничной полосе, отделяющей марксизм от анархизма. Поэтому он подвергался и подвергается воздействию со стороны всех политических провалов и всех претендентов на лидерство в рабочих профсоюзах. Должны ли мы упорствовать в нейтралистской ошибке, настаивая на сохранении гибридной тенденции, которая отрицает основы анархистской доктрины и пытается найти революционные мотивы в экономическом факторе, исключая любую моральную или политическую идею?

Аполитичность — это отрицание любой веры в будущее человечества, которое может быть осуществлено только через идеи. Ведь идеи конкретизируют надежды, и подавить идеи в нашей индивидуальной или коллективной жизни означало бы пытаться вычеркнуть из нашего сердца всякие надежды и стремления к справедливости, свободе и благополучию. Нейтральные синдикалисты, систематически отвергающие любой компромисс с тем, что они именуют «догмами», следуют фаталистической концепции марксизма: они верят в индустриальное развитие наций и во все более растущую и всепоглощающую способность капитализма создавать в народах и отдельных

людях свойства, необходимые для подготовки и осуществления революции. Но сам исторический материализм объясняется экономической реальностью и прежним социальным опытом, которому недоставало этического содержания свободного человека для того, чтобы пропагандировать новую жизнь. Поэтому трудящиеся никак не могут использовать этот капиталистический инструмент в сложном и трудном деле преобразования нынешнего мира рабов в мир свободных людей.

Тенденции, отвергающие «пристрастные» идеи и находящиеся на занимают половинчатую позицию в социальном вопросе, никогда не смогут довести до конца революционную работу универсального плана. (Универсальным в данном случае является то, что охватывает человека и общество в их этических и материальных основах). А синдикализм, который даже не стоит на половинчатой позиции с того момента, как стал пытаться сохранить нейтральное положение по отношению ко всем идеологиям, тем более не может превратить трудящихся в революционную силу, действующую в соответствии с политическими и экономическими условиями социальной среды, и выработать в сознании человека новые ценности, идеи свободы и справедливости, коим надлежит избавить народы от первородного греха — рабства.

Повторяя ошибки социал-демократии и усвоив программу политических вождей реформистского синдикализма, большевики создали свое собственное профсоюзное движение, подчиненное их партии. В действительности Красный Интернационал (профсоюзов, — прим. перевод.) — ни что иное как экономический придаток Третьего Интернационала. Для российского коммунистического правительства синдикализм — это политическое средство, которое облегчает его влияние в рабочем движении и дает ему могучее оружие для нейтрализации воздействия революционной пропаганды анархистов. Разве Красный Интернационал не выполняет для правительства Москвы ту же самую роль, что и «желтый» Амстердамский Интернационал, служащий реакционным инструментом европейских правительств?

Вот почему для освобождения трудящихся из-под влияния предателей, нашедших прибежище в Амстердамском Интернационале, недостаточно придать синдикализму революционную ориентацию. Москва также является штаб-квартирой перебежчиков к диктатуре и реакции, лакеев мирового капитализма. Если мы подтверждаем этот упадок так называемого революционного рабочего движения, если констатируем, что Москва следует той же самой реформистской линии, что и Амстердам, — зачем настаивать на освобождении рабочих профсоюзов для влияния реформистов, которые симулируют революционные намерения для того, чтобы обратить трудящихся в свою веру и эксплуатировать их незнание в пользу якобы революционной политической партии?

Причину частых отклонений синдикализма следует искать в его идеологическом сиротстве. Классовый интерес не создает у трудящихся высших этических

понятий, не освобождает их от заразы различных видов авторитаризма, которые носятся в воздухе. И единство рабочих существует только пока спор идет о чисто экономических вопросах. Материальное развитие наций, капиталистическая концентрация, технические усовершенствования и т.д. развили продуктивные способности и качества в пролетариате. Но этот индустриальный прогресс, чьи успехи идут на пользу привилегированного меньшинства, не создает сам по себе революционных ценностей в сознании рабов.

Если мы не придем к логическому заключению, что трудящиеся не смогут освободиться от ига наемного труда, если освободятся морально от господства религий, чьим насильственным и угнетательским синтезом служит государство, нам трудно будет объяснить контраст между материальным прогрессом человеческих обществ и малым этическим прогрессом народов.

* * *

Тому, кто хотел бы сделать из синдикализма отдельную доктрину, нейтральное поле, которое включает в себе и одновременно отрицает любые политические и философские теории, должен послужить уроком опыт последних лет. Наиболее мощные в количественном отношении рабочие организации оказались неспособны к решительному действию перед лицом революционных событий. И было достаточно, чтобы на сцене оказалась политическая тенденция, основавшая на массовом активизме триумф новой диктаторской системы, чтобы рабочее движение сбилось с курса и пошло в направлении, намеченном оппортунистами.

Чтобы объяснить неудачу синдикализма, погрязшего в политической борьбе различных марксистских групп, говорят, что вожди предали массу. Но где же доктрина этого нейтрального синдикализма, которая не давала бы трудящимся попасть под влияние профессиональных политиков? И в чем коренится сила организации, основанной на экономических потребностях, если это классовое условие не мешает рабочим действовать на почве, противоположной синдикализму, и помогать политическим движениям, которые соблюдают верность экономическому рабству и увековечивают его?

Профсоюз — не доктрина, это средство действия, хорошее или плохое, в зависимости от того, какие идеи обсуждаются в его рядах и определяют его ориентацию. Профсоюзы, созданные на экономической основе капитализма, занимаются экономическими проблемами, имеющими простое решение: борьбой за лучшую зарплату, за сокращение рабочего времени и т.д. И только при условии, что эти органы организованного труда соглашаются с революционной идеологической направленностью, они становятся действительным героическим оплотом лучшего мира.

Фундаментальные проблемы революции не обсуждаются внутри профсоюзов только потому, что входящие в них принадлежат к тому или иному

предприятию или профессии. Орган может объединять в целом трудящихся для достижения непосредственной цели: борьбы против эксплуатирующего их буржуа. И здесь начинается и заканчивается классовая солидарность . . . Только трудящиеся как люди мысли, на основе своих идей и своего духа ставят действительную проблему революции и превращают синдикальный лагерь в почву, пригодную для любых политических и экономических попыток.

Признавая рабочее движение как средство борьбы, нельзя впадать в путаницу и недопонимание в отношении различных и антагонистических политических и философских тенденций. Но если из синдикализма хотят сделать костяк для любых социальных теорий и каждая фракция роется в его абстрактных декларациях, чтобы обрести поддержку и захватить руководство профсоюзами, расхождения не смягчаются, а выступают все резче, и ожесточенная борьба всегда заканчивается распадом организаций-мастодонтов, которые удерживаются на основе дисциплины и диктатуры.

Синдикалистская теория — о самодостаточном синдикализме — находится в постоянном противоречии с фактами. Рабочие организации, которые провозглашают политическую и идеологическую абстрактность и доходят до исключения из своих рядов недисциплинированных, впавших в грех критики действий вождей, не являются свободными. В любом унитарном профсоюзе, в любой унитарной федерации легко обнаружить преобладание той или иной политической фракции — обычно более реформистской — которая навязывает свою точку зрения всем членам и втайне попирает это классовое единство, стремясь превратить синдикализм в простое политическое средство.

Подчиняясь господству социал-реформистских вождей, наиболее крупные рабочие организации в Европе подыгрывали буржуазии во время последней войны. И те же самые профсоюзные организации, вопреки своей идеологической «нейтральности», ведут чисто политическую работу, забывая о своей роли экономических органов борьбы против капитализма.

Большевистский и фашистский феномен — два взаимодополняющих проявления одной единой диктаторской тенденции — стал возможен только вследствие неспособности пролетариата разрешить кризис капитализма в свою пользу. Провал abortированной русской революции объясняется не отсутствием революционных сил. Она дегенерировала в чисто политическое движение, поскольку рабочие организации находились под влиянием марксистских вождей и служили вывеской для профессиональных политиков.

Организованному трудящемуся классу могло хватить силы для совершения дворцовой революции, но дворцовая революция — это не социальная революция. Своей организованной силой синдикализм оказал помощь установлению диктатуры — большевистской в России и фашистской в Италии. И та же самая активность пролетариата перед триумфом реакции — разве не демонстрирует нам она импотенцию синдикализма как революционной доктрины?

* * *

Некоторые анархисты упорно пытаются «сконструировать» «экономическую доктрину», синдикализм, который не основан на классовом интересе и борьбе классов. Чтобы отличить их синдикализм от реформистских рабочих организаций, они добавили к нему определение «революционный». И полагают, что тем самым они установили разницу в доктрине, в то время как всего лишь отметили разнообразие «средств» действий синдикализма для достижения его ограниченных экономических целей.

Революционный синдикализм, синдикализм прямого действия, даже когда он провозглашает социально-революционные намерения и отрицает историческую преемственность с капиталистическим государством, остается ничем иным как формой борьбы пролетариата против класса хозяев. Он отличается от марксистского корпоративизма по средствам, которые он использует для достижения привилегированных уступок: прямой стачке, признаваемой вплоть до своих крайних последствий, саботажу, бойкоту и другим средствам, отвергаемым социал-реформистами, врагами любого акта, могущего повредить интересам класса хозяев и угрожать стабильности государства.

Анархист не может уклониться от возможностей борьбы на экономической почве и должен отдавать значительную часть своих сил профессиональным организациям пролетариата. Поэтому революционный синдикализм, синдикализм прямого действия является для него «хорошим» средством революционной пропаганды и революционного действия. Именно благодаря его концепции социальных проблем, его революционному темпераменту революционная форма синдикализма противостоит марксистскому корпоративизму и коллаборационистским маневрам рабочих вождей.

Но этот революционный синдикализм, сохраняющий свой подрывной характер и революционную ориентацию, свою непримиримость и не идущий на политику сотрудничества, действует не потому, что является некоей социальной целью и выдвигает специфическую формулу настоящей революции. Он действует только потому что воплощает намерение вести непрерывную борьбу и продолжать сопротивление против капиталистического господства. Если забывают о том, что синдикализм — это «средство» и в то же самое время следствие нынешнего экономического режима, если социальная цель рабочих организаций основывается на определении «революционный» при очевидном забвении политических и этических факторов, не подчиненных этой реальности капиталистической системы, — не утрачивает ли эта доктрина всякую силу и не нарушаются ли принципы анархизма?

* * *

Если освободительная борьба народов — всего лишь результат экономи-

ческой необходимости, то синдикализм — выражение биологических сил, придающих импульс массам к чисто инстинктивной борьбе — содержит в себе, как движение реакции против привилегированного класса, и революционный «метод» и революционную «доктрину». Он находит решение социальных проблем с помощью насильственного акта, который принуждает капиталистов отказаться от своей опеки над наемными работниками. Но мы, анархисты, знаем, что рациональное решение человеческой проблемы не в этом, не в пролетаризации нынешних хозяев. Если с помощью революции, совершенной на манер государственных переворотов или политических раскатов, рабочие организации устанавливают контроль над промышленностью, торговлей и финансами, исчезает ли в результате этого наемный труд? Нет. Исчезает классический капитализм, старая каста привилегированных, нынешний класс хозяев; но на их месте утверждается капитализм профсоюзов.

Мы не должны забывать, что профсоюз как экономическое следствие капиталистической организации — это социальный феномен, порожденный необходимостью соответствующей эпохи. Сохранять эту структуру после революции — значит то же самое, что сохранить причину, ее породившую — капитализм.

Мнимая доктрина революционного синдикализма — это фикция. Мы, анархисты, признаем синдикаты как средство борьбы и стремимся по возможности вписать их в наши революционные концепции. Но подчинять поэтому наши идеи этой экономической побудительной силе на большом протяжении было бы провалом в глубокую бездну, из которой нечего было бы и пытаться выбраться. Ведь мы стали бы отрицать сами себя как люди с высшими идеалами и взглядами, не ограниченными созерцанием болезненной панорамы, открываемой нам «классовой борьбой». То есть: мы не хотим, чтобы над нами духовно господствовал профсоюз; мы хотим доминировать в профсоюзе. Иными словами: использовать профсоюз для пропаганды, защиты и утверждения наших идей в рядах пролетариата.

Чтобы смочь объять дело народа, чтобы он не страдал непосредственно от кнута тирании или от жестокого и убийственного голода, необходимо, чтобы мозг находился в согласии с тем, что диктует сердце. Чувство играет свою принципиальную роль в борьбе против деспотизма. Вот почему анархизм более чем когда-либо — это стремление к справедливости, а справедливость — продукт этического сознания. Она утрачивает свою силу при кодификации в результате упрощенных и утилитарных критериев эгоистов и сбившихся с пути.

Проблема состоит в том, чтобы дать жизнь чувствам, идеям и надеждам. Теоретики, предлагающие нам готовую, просчитанную холодной головой систему, могут лишь истолковывать возможности эпохи. В их теориях нас вдохновляет преимущественно именно эмоциональная сторона, а не импровизации материального порядка, являющиеся некоей догматической структурой. И вот

почему мы, анархисты, хотя и ценим экономические теории предшественников и почти грезим, читая описания воображаемого общества будущего, представленные нашими писателями, гораздо большее значение придаем этическому фундаменту анархизма, чем наброскам анархистской жизни на бумаге . . .

Нужно жить минутными движениями и прилагать к фактам метод, выведенный из анархистской цели. Необходимо создать на основе широкого социального сценария базу для творческой деятельности. Нужно нашими действиями придать ценность делу, призванному заложить фундамент революционной пропаганды в ее упорном побуждении к ниспровержению. Для этого у нас есть идеал свободы и справедливости, который более чем когда-либо является чувственным идеалом. И этот ориентир, направляющий наши шаги, не позволяет нам погрязнуть в скользкой трясине политики и попасть в ловушки, в которые нас ведут те, кто торгует рабочим освобождением.

Невозможно доверить «чистой доктрине», которой не придают ценность повседневное индивидуальное и коллективное поведение, миссию разрушения этических преград, препятствующих прогрессу революции. Во имя идей свободы создают новый деспотизм. С помощью лозунга экономического освобождения пролетариата так называемые социалисты навязывают пролетариату диктатуру меньшинства. Происходит подрыв концепций свободы и справедливости, подчиняемых выгодам партии и интересам камарильи, поддерживающих ее право вершить судьбы мира.

* * *

Рабочее движение — наиболее широкий сценарий социальной борьбы — следует той же путанице, что и перед великой войной в различных странах с преобладанием индустриального развития. Можно сказать, что последний опыт нимало не способствовал прояснению идей и тактики борьбы, несмотря на то, что именно профсоюзы самым непосредственным образом страдают от влияния социальных тенденций, преобладающих в развитии революционных событий послевоенного периода.

Объяснение этого феномена следует искать в политических тенденциях, которые вредят пролетарским организациям и превращают рабочую массу в пассивную и дисциплинированную силу, способную лишь на поддержку их притязаний на власть. Однако свой вклад в эту идейную путаницу — основу и причину духовного бессилия пролетариата — вносят и те анархисты, которые считают профсоюз нейтральным лагерем, свободным от идейных антагонизмов и пригодным только для споров экономического порядка.

Не существует никакой равноценности в действиях и пропаганде между анархизмом и синдикализмом. Нейтралисты верят в то, что пролетариат как класс необходимым образом вынужден бороться против буржуазии и содер-

жит свою идеологию в себе самом: чтобы найти этот путь достаточно сделать простую декларацию об антикапиталистической и, следовательно, антигосударственнической вере. И мы находим сегодня, что, как это произошло с диктаторским коммунизмом и социал-демократическим реформизмом, существуют различные виды капитализмов и государств, хотя в основе этих «новых систем» воплощена та же самая политическая и экономическая цель: господство привилегированного класса, который берет власть от имени пролетариата и сохраняет исторические институты, наносящие вред большинству наемных тружеников.

Ориентиром служит материалистический миф. Он ведет ослепленную иллюзиями ложных решений и мало знакомую с анархизмом рабочую массу по пути революционных событий, которые, кажется, означают окончательное крушение капиталистических институтов. Однако большинству пропагандистов либертарной идеи не удается раскрыть авторитарную и консервативную основу тенденций, захвативших инициативу в революции. Почему же стал возможным триумф контрреволюции как раз в тот момент, когда кризис государства и падение принципа авторитета казались столь близки?

Захватить руководство пролетариатом марксистам позволила не только революционная инициатива, но и распространение в рабочем движении их идеологии. Наиболее крайние профсоюзные тенденции на самом деле вступили на путь государственного социализма. Что значили либертарные декларации, с боем включенные в статуты некоторых рабочих организаций, если анархисты оказались первыми среди тех, кто капитулировал перед экономической необходимостью и профсоюзными интересами, отказавшись от любой идеологической борьбы из опасения нарушить хрупкое единство класса? Материалистический миф преградил путь идеям, угрожавшим профсоюзной дисциплине, поскольку больше считался с непосредственным интересом рабочей массы, нежели с ориентацией пролетариата и будущим революционных организаций.

Можно считать совершенно определенным, что марксистское влияние преобладает в большинстве рабочих профсоюзов Европы. Несмотря на провал российского коммунизма, пролетариат не решился сломить дисциплину, которая привязала его к политическому игу новых правителей. Иллюзия диктатуры пролетариата, фарс московского лозунга «Вся власть Советам» нашли адептов и верующих. Революционные синдикалисты, прибегнув к обходным маневрам, пытаются избежать открытой диктатуры, заявляя, что в момент революции вся власть должна осуществляться профсоюзами. Но в этом легко увидеть оживление авторитарной тенденции: материалистический миф, который превращает трудящихся в верующих в этот мнимый индустриальный прогресс, согласно Марксу и его ученикам, сам собой вызывает падение капитализма и облегчает наступление коммунистического общества.

Не всякое рабочее движение, оппозиционное социал-демократии, вдохновляется анархистской доктриной. Мы должны помнить о том, что Москва присвоила определение «революционный» в противовес социалистическому реформизму. И однако же речь идет всего лишь о фарсе, призванном заменить в марксистском словаре вышедшие из употребления слова реформистского жаргона.

Точно также действуют те, кто намерен обновить потерпевшую крах тенденцию нейтрального синдикализма. Они украшают его эффектными фразами, чтобы создать впечатление, что за ними скрывается нечто новое. Но они повторяют материалистическую ошибку, сохраняют все дегенеративные пороки социал-демократии и идут по тому же самому пути диктатуры и реформизма.

Организация «Индустриальных рабочих мира» (ИРМ) США и некоторые прочие убогие индустриалистские попытки в странах без индустрии дают нам курьезный пример непоследовательной революционности. Верующие в принципы, не могущие определить степень сознательности и способность трудящихся этой «системы», придерживаются ее мифа — декларации, которую они принимают как догму. Вся идеология ИРМ ограничивается этой декларацией: «Несправедливость в отношении одного есть несправедливость в отношении всех». А дополнением служит тенденция к созданию большого рабочего союза, который охватывает весь земной шар и связывает трудящихся тесными узами индустрии.

Для ИРМ эта декларация — нечто вроде священной реликвии. Она стала предлагаться в качестве опоры для верующих в нее и публиковаться как дело чести во всех индустриалистских изданиях. Но как же пытаются осуществлять руководители и ориентаторы ИРМ то, что записано в преамбуле к ее декларации принципов?

Организация так называемых Индустриальных рабочих мира основывается на процессе индустриального развития США. Их идеология выросла из этой экономической реальности, их тактика зависит от конкретных обстоятельств. ИРМ вносят марксизм в рабочую организацию; они — исторические материалисты, поскольку связывают триумф революции с фатальностью индустриального развития и питают энергию своих боевых организаций потенциальностью капитализма.

В этом декларации революционеров из ИРМ — а их члены являются революционерами по своему темпераменту — ценны как выражение определенного состояния либертарного сознания. Рабочий индустриализм стремится в качестве цели к руководству промышленности. И он не идет дальше этого материалистического дела, не выдвигает иной декларации кроме намерения заменить в управлении и администрации промышленностью ее нынешних руководителей.

Вот почему понятно, что рабочему движению настоятельно необходимо ясно и определенно определить свою ориентацию. Мы, анархисты, должны знать, чего мы хотим, и какую революционную функцию мы отводим профсоюзам до революции, во время и после нее.

* * *

Теоретики этого синдикализма, основанного на материалистической концепции истории, идущего в хвосте капитализма, копируя его модальность и усваивая «средства», которые он создал в ходе индустриального развития, полагают, что, заявляя о своей вере в либертарные идеалы и отвергая старую практику марксистского функционализма и политическое действие парламентаристов, они утверждают основополагающую разницу между профсоюзами и партиями. Но в действительности разница эта чисто формальная. Политическое действие авторитарных социалистов, как они сами заявляют, также вдохновляется так называемой классовой борьбой. Синдикализм ежедневно осуществляет эту классовую борьбу, добиваясь в качестве немедленной цели улучшения экономических условий пролетариата, а в качестве социальной цели — разрушения капиталистического общества. Используя различные средства, синдикалисты различных оттенков и авторитарные социалисты имеют в конечном счете одно и то же теоретическое стремление: силой отобрать политическую власть у буржуазии и экспроприировать у нынешних владельцев орудия производства и «средства», служащие для регулирования потребления. Иными словами, синдикализм, о котором мы здесь говорим, — ни что иное как марксизм, привнесенный в рабочие общества реформистскими политиками. И можно возразить также, что если рабочее движение «фатальным образом» обречено следовать этому материальному развитию капитализма, невозможно выдвинуть теорию, противостоящую «историческому материализму», взятому как основа экономических организаций пролетариата. Но мы в данном случае не обсуждаем «намерения» «революционных синдикалистов» — намерения, сформулированные в виде идеологического синтеза в преамбулах, организационных хартиях, пактах солидарности и декларациях принципов, вдохновленных либертарными идеями. Тем более мы не принимаем материалистическую исключительность Маркса. Мы не считаем, что рабочие организации должны следовать процессу индустриального развития, копируя внешние формы капитализма и ища в экономической структуре современного общества конструктивные элементы будущей организации народов.

Ставя вопрос в этих терминах, мы должны установить фундаментальную разницу, которая отделяет анархистов от марксистов. И поскольку в общем считается, что проблема является чисто формальной и почти абстрактной — сводимой к определенным революционным декларациям и различным аспектам, выходящим за рамки непосредственной борьбы против государства

и капитализма -, мы хотим обнаружить убедительный пример в наиболее типичном выражении нынешнего революционного движения: в профсоюзном действии трудящихся.

Ориентиры синдикализма подчинены капиталистическому развитию — историческому материализму. Его теоретики видят в индустриальном процессе буржуазии элементы суждений для создания собственной революционной теории. Иными словами, синдикализм использует средства, предоставляемые ему капиталистической организацией и, вдохновляясь исключительно принципом классовой борьбы, преследует цель установления капиталистической организации, руководимой трудящимися. И этот абсурд — который немалым числом наших считается само собой разумеющимся утверждением — содержится в формуле: «Вся власть профсоюзам» и в следующей посылке: «создать новое общество в скорлупе старого».

Анархистская концепция применительно к той же самой экономической организации трудящихся выглядит совершенно иначе, чем этот «конструктивный синдикализм».

Невозможно игнорировать элементарный принцип нашей идеологии: коммунистическая организация общества свободных людей не должна забывать основу реорганизации — коммуну. Синдикализм не принимает во внимание наличие таких автономных групп индивидов, действительных ячеек социального организма, поскольку для «исторических материалистов» этические и этнические различия подчинены взаимосвязям, созданным между народами одного или различных регионов какой-либо индустрией. Отсюда следует, что базой синдикалистской организации в принципе служит индустриальная централизация — а не децентрализация этих чудовищных предприятий и финансовых трестов, которые разрушают основные черты коммунальной жизни. С этим связано намерение создать после революции синдикалистское государство, ячейками которого станут отрасли индустрии, сформировавшиеся в рамках нынешней капиталистической системы.

Игра слов, с помощью которой революционные синдикалисты пытаются отождествить свои теории с либертарной концепцией коммунизма, не может служить опорой для прояснения двух этих противоположных ценностей: коммунизма и синдикализма. Анархисты, если они хотят быть последовательными в своих идеях и сохранить целостность перед лицом отклонений, уводящих рабочее движение от источников его либертарного вдохновения, не должны забывать, что экономические организации пролетариата носят переходный характер и отвечают только и исключительно «необходимости», созданной капиталистическим развитием и навязанной убогими условиями, в которых живет трудящийся класс.

Можно быть коммуналистом — сторонником организации, следующей линии, отмеченной различными коммунальными организмами, не обращая внимания на процесс капиталистической централизации или «специализацию»,

созданную индустриализмом, — и отстаивать синдикальную организацию трудящихся для сегодняшних конфликтов. Важно сохранять латентный дух независимости пролетариев и противопоставить сознательную силу подчиняющей власти капитализма, подрывая его великолепный экономический организм, чтобы полностью вывести его из строя, не надеясь воспользоваться им в ходе революции или после нее. Ведь подобно тому, как мы должны стремиться не к завоеванию государства, а к разрушению его, точно также мы можем хотеть не завоевания экономической системы капитализма, а ее устранения из жизни общества.

Анархисты, которые считаются со всеми резонами «исторического материализма» и возлагают на рабочие профсоюзы задачи, выведенные из мнимого преобладания экономического фактора над этическими причинами, вызывающими рабство народов, способствуют укреплению синдикалистской доктрины, стремящейся втиснуть жизнь в строгие рамки профсоюза. И если эти анархисты, претендующие на то, что они совершают величайшее открытие, представляют нам индустриализм ИРМ или его синдикальные производные — фабричные советы, организацию по предприятиям, разделение труда в рамках той или иной индустрии и иные новшества марксистского образца, веря, что они таким образом нашли решение социальной проблемы, — им следует напомнить, что ничто так не противоречит анархистским идеям и концепции коммунизма, как эта теория, возникшая в мозгу капитализма.

Мысль о том, что эти новые формы организации синдикализма порождены «необходимостью», — это обман, который могут принимать и поддерживать только «исторические материалисты». Главная проблема, которая волнует народы, вызывает народное недовольство и превращает человеческий протест в революционные движения, имеет своими первоочередными (а в реальности — единственными) причинами актуальные аспекты эксплуатации и господства человека над человеком. Капитализм — это один из аспектов — наиболее современный и возможно даже наиболее унижительный — вековой системы, которая регулирует жизнь народов. И поскольку революционеры существовали еще до того, как буржуазия поднялась до ранга привилегированного класса и современное государство явило нам свою ужасную экономическую и политическую мощь, легко заключить, что дух, воодушевляющий человечество на трудном пути в будущее, предшествовал «необходимостям», созданным для пролетариата индустриальным развитием капиталистического общества.

Планируя либертарную организацию будущего, мы всегда отдали бы преимущество коммуне перед индустриальной основой.

Характерные черты каждого народа не создаются искусственными законами или «капризами» природы. Анархизм обращает большее внимание на эти этические и физические характеристики, которые демонстрируют нам, что разнообразие — это наиболее известный естественный закон. Авторитарный социализм, напротив, обращает внимание на послышки «исторического

материализма», выводит человеческую проблему из развития капитализма и подчиняет экономической необходимости этические факторы, которые определяют уровень культуры каждого народа.

Рабочий индустриализм — это констатация «исторического материализма», поставленная на почву классово-борьбы. И этот революционный камуфляж должен быть разрушен анархистами, хотя бы уже потому что он окутывает творческую бесплодность больших масс, подчиненных руководству политических и профсоюзных вождей, стремящихся к диктатуре пролетариата.

* * *

Немалое число активистов нашего движения и тех, кто с большой настойчивостью защищает внедрение идей в рабочие профсоюзы, полагают, что возможно в известной мере различать средства борьбы и цели революции. Этот критерий безоговорочно определяет влияние социальной среды, в которой мы находимся, императивы экономической необходимости и растущее развитие капитализма, эти факторы материального порядка, заставляющие трудящихся запасаться новым оборонительным оружием, чтобы противостоять все более могущественному врагу.

Применяя необходимость приведения рабочих организаций в соответствие с необходимостями сегодняшнего дня, многие анархисты, которые работают в профсоюзах, усвоили то, что мы называем структурой синдикализма. Мы не говорим уже о тех, кто принимает любое новшество и заимствует «марксистский опыт», веря в то, что заимствованием индустриалистской тактики они укрепляют революционное рабочее движение. Эти верующие в силу в интеллектуальном отношении сохраняют точку соприкосновения с анархизмом, но на практике являются самыми чванливыми разрушителями доктринальной работы, проведенной наиболее умными защитниками либертарных идей.

Из-за забвения социальных целей, преследуемых анархистами, — ради предпочтения, отдаваемого большинством активистов тактике борьбы, которые являются детищем сегодняшней необходимости, ни в коем случае нельзя подчинять их императивам теоретические выводы, проистекающие из изучения фактов и понимания переживаемых нами событий, — и из-за этой склонности рассматривать феномены индустриального процесса капитализма как эквивалент прогрессу человечества рабочее движение примиряется с экономической структурой буржуазного общества. По мере того, как осуществляется индустриальная централизация, финансовые интересы крупных трестов переплетаются, машинизм берет в плен трудящийся класс своими стальными щупальцами, профсоюзное движение концентрируется и заимствует тактику самого удушающего централизма. Экономическая необходимость, угнетательская сила капитализма, интернационализирующегося через посредство этой

гигантской трестификации производственной деятельности, определяет индустриалистскую систему, которую трудящиеся копируют с буржуазии.

В то время как внешняя видимость, как кажется, демонстрирует нам необходимость следовать в этой гонке за капитализмом к тому, что марксистские социалисты именуют кульминационным пунктом его развития, мы должны всеми возможными средствами сопротивляться восприятию рабочим движением экономической структуры буржуазного общества. Опасная иллюзия видеть в силе, организованной согласно строгому биологическому критерию — связанной узами экономической необходимости — решение социальных проблем. Еще опаснее было бы принять как реальные те обстоятельства, которые определяют нынешние характерные черты рабочего движения, загнанного индустриальной и финансовой инфляцией в тупик индустриалистского корпоративизма. Какая тактика борьбы не нарушит принципы и не будет противоречить революционным целям, преследуемым анархизмом? Существует опасность, что практика этого чисто материалистического синдикализма приведет к подчинению давших ему жизнь идейных течений данной «необходимости». Предав забвению этические проблемы, которые в действительности направляют протест пролетариата и указывают народам путь к их освобождению, организации, которые некогда были боевыми, сегодня оказываются в руках первого политикана, вышедшего на арену социальной борьбы, чтобы проделывать делишки, чуждые интересам пролетариата. И эта чуждая анархизму пропаганда встречает широкую поддержку как раз в крупных классовых организациях, созданных по индустриалистскому образцу.

Для оправдания применения тактики, противоречащей анархистским идеям, ссылаются на необходимость поставить пролетариат в положение, когда он сможет эффективно защищаться против атак капитализма. Под этим понимается организация на военный манер: как широкая мобилизация сил, каталогизированных в соответствии с качеством труда каждого работника, и подчинение этих разнообразных видов труда единому экономическому принципу (в рамках одной определенной отрасли или специализации определенной коммерческой фирмы), с точкой концентрации и руководства, которая позволяет ей в определенный момент двигаться наподобие часового механизма. Эта дисциплина должна якобы способствовать лучшей защите трудящихся от класса хозяев и привести в действие силы, распыленные системой синдикатов по профессиям, которой недостает математической мобильности. Однако с помощью такого рода действий, которая не всегда соответствует определенному коллективному определению и не работает, приводясь в движение четко определенным намерением, невозможно развить у трудящихся революционные привычки, ни тем более сделать их способными к стихийной, альтруистической борьбе за широкие либертарные цели.

Иллюзия организованной силы — которая диаметрально противоположна свободной организации сознательных сил пролетариата — способствует тому,

что в рабочем движении торжествует марксистский критерий, доверяющий индустриальному процессу задачу пробуждения трудящихся к реальности социальной борьбы. Отсюда проистекает предание профсоюзам по отраслям — всегда являющимся импровизированным детищем капиталистического развития в каждой стране и различающимся по своей форме в отдельных регионах в соответствии с экономическим удобством — чудесного свойства превращать в мыслящее целое людей, которые в сумме своей движутся под давлением категорической необходимости или преходящего бунтарского волнения.

Мы должны выступить против иллюзорности грубой силы, которая всегда содержится в профсоюзных организациях, основанных на критериях, навязанных экономикой. Естественная организация трудящихся происходит в классических формах синдикатов по профессиям, в мастерской, на фабрике, связанных в местные федерации и увязанных между собой через населенные пункты и провинции в региональную организацию связи.

Мы, анархисты, возлагаем свои надежды на солидарность как осуществление любого революционного намерения, вдохновляется ли оно необходимостью сегодняшнего дня или соответствует надежде на будущее. Вопрос состоит не в том, чтобы поставить трудящихся в положение конкуренции тактики их организаций с капиталистической организацией, а в том, чтобы развить в них дух борьбы, понимание солидарных целей их движения, сознание своей творческой способности и возможности управлять своими собственными судьбами. Означает ли это согласие с марксистской тактикой (пусть даже без парламентской политики), состоящей в сужении всех действий пролетариата к велениям индустриального прогресса, вместо того, чтобы в этой борьбе играли решающую роль идеи, которые хотим придать ей мы, анархисты?

Любая индустриалистская (отраслевая, — прим. перевод.) рабочая организация покоится на экономическом принципе, служившем Марксу для установления его теории исторического материализма. И поскольку индустриальный прогресс колеблется в частых случаях кризиса, вызываемого капитализмом, и именно таково воздействие этой абсурдной политико-экономической организации, происходит так, что рабочее движение отдается на произвол маневров буржуазии, на милость подъемов и спадов финансовых операций, которые увеличивают размеры капиталов в руках немногих ценою самой черной нищеты народов.

Чтобы сохранить сплоченность трудящихся, совершенно не нужно связывать их, как веревкой, пуповиной отраслей. Главное — это развивать в них зародыш чувств солидарности, как в мастерской, так и вне ее, как в месте, где они живут, так и в других населенных пунктах, поверх всех границ и океанов, создавая таким образом интернационализм переживаний, чувств и идей.

В основе федерализма лежит автономия отдельных людей и свободных организаций, могучие узы, которые позволяют им связываться между собой и приходиться к пониманию общности своих интересов. И анархизм не может

отвергнуть этот принцип, не отрицая себя самого как высшей революционной идеи.

* * *

Так называемый теоретический «анархизм» сегодня не предлагает конкретного, достаточно ясного и определенного революционного намерения. Необходимо заложить основу действий и состояния войны против иных революционных течений, конкретизировать в виде боевой программы — а это все что угодно, только не политические программы с их тенденцией материализовать социализм в виде завоевания власти — надежды пролетариата и на практике отличать наше движение от реформистских и авторитарных течений, которые — как в своих аспектах ориентации на классовый принцип, так и в своих демократических выражениях — конкретизируют идею государства.

В самом начале социализма, когда идея интернационализма означала для всех трудящихся страстную жажду социального освобождения и братства поверх всех родин и границ, было легко определять словом «социализм» все революционное движение. Все социалисты были врагами буржуазного режима: пролетарии, которые противопоставили частной собственности — социализацию жизненных средств, а исторической несправедливости, представленной государством, — пока еще неопределенное понимание справедливости. Девиз Первого Интернационала «Освобождение трудящихся должно быть делом самих трудящихся» означал путь борьбы классов. И, как эксплуатируемый класс, великая семья труда еще легко могла провозглашать всеобщее братство. . . .

Через полвека пропаганды и борьбы социализм стал страдать от фундаментального изменения его основополагающих теорий. В этическом, умственном и психологическом плане пролетариат развивался по-разному, и традиция единства Первого Интернационала была сожжена неминуемым столкновением различных тенденций.

Для нас борьба, которую вел Бакунин в недрах Международной ассоциации трудящихся для того, чтобы воспротивиться влиянию Маркса, соответствовала необходимости, порожденной развитием самого пролетариата. Это лишь внешне враждовали между собой два человека, охваченные ненавистью и личной неприязнью. В основе же лежала идейная проблема, которая рано или поздно должна была очертить в интернациональном рабочем движении две тенденции социализма, и примирить их было невозможно. Должен ли был Бакунин пожертвовать своими личными идеями ради того, чтобы не разрушать единство организованного рабочего класса? Вот вопрос, который заслуживает обсуждения и анализа со стороны приверженцев и противников единства рабочего класса.

Маркс доминировал в руководящем Генеральном совете Интернационала. Он поднял над движением флаг своего течения и стал навязывать организа-

циям-членам такую норму поведения, которую не принимали их наиболее активные участники. И стерпеть Маркса, позволить отклониться от цели означало бы фактически отказаться от революционного девиза Интернационала.

Бакунин сделался выразителем мнения, которое еще не вполне определилось, но вступило в борьбу с официальным социализмом. Он стал глашатаем революционного сознания и либертарных чувств части пролетариата. Таким образом удалось увести часть Интернационала от банкротства марксизма и избежать горечи полного краха. Мы допускаем, что борьба Бакунина и его друзей разрушила единство Интернационала, что непримиримость латинских секций М.А.Т. способствовала неудаче первой попытки всемирного братства трудящихся. Но мы обязаны признать, что в этом разделении организации состояло спасение идей куда более важных, чем сама организация.

Сегодня невозможно представить себе однородную организацию всех трудящихся. Между парламентским социализмом и анархизмом нет точек соприкосновения. Теория единства класса теряется во все большем разнообразии мнений и тенденций. Дошло до того, что и оба течения — авторитарное и либертарное — разошлись в различных направлениях, предлагая такие аспекты теории, которые служат отрицанием однородности примитивного классового критерия.

Для государственных социалистов, социализм — это политический метод, подчиненный немедленным задачам сегодняшнего дня. Так доктрина утрачивает свою революционную значимость, отрывается от теоретических выводов предшественников и превращается в электоральный ресурс. Есть только цель марксизма: завоевание власти, не с тем чтобы разрушить государство, а просто чтобы превратить его в инструмент господства трудящегося класса. . . . Но возможно ли взаимопонимание между социал-демократом, который стремится к тому, чтобы такое завоевание осуществилось легальным путем, и большевиком, провозглашающим необходимость революционного действия ради сокрушения власти буржуазии? Оба исходят из одной и той же посылки, но прибегают к различным методам достижения цели.

В том, что касается теории, анархизм определяет свой собственный революционный курс. К анархистам относятся все те, кто признает необходимость экспроприационной и уравнительной революции: те, кто ведут борьбу против авторитарных и реформистских тенденций и выдвигают в качестве программы на будущее разрушение государства, всех угнетательских форм авторитета и экономического господства. Но одно дело — принимать анархистскую теорию, а другое — становиться на почву борьбы, на поле анархистского действия.

В сфере же практики анархисты также разделены. Что общего, помимо приверженности к идеям, с которыми отождествляют себя все анархисты, между индивидуалистом и коммунистом, между сторонником рабочей организации и тем, кто отвергает это орудие борьбы и противиться любым контактам с пролетариатом? Утверждают, будто анархизм — это чисто духовное движение,

культурное и нацеленное на самосовершенствование, которое не снисходит до схваток голодных и споров вокруг зарплаты. Но подобное заявление может лишь объяснить существование секты, но не революционного движения, с его стремлением полностью разрушить некую социальную систему и преобразовать этические, социальные, экономические и политические основы человеческих обществ.

Идеи имеют ценность, в зависимости от их конкретизации как надежды и от завоеваний, осуществляемых в области духа. И если мы возлагаем на данный идеал миссию преобразования мира, очень важно действовать в соответствии с ним и утвердить его вопреки рутине невежд и косности тех, кто заинтересован в сохранении существующего порядка вещей.

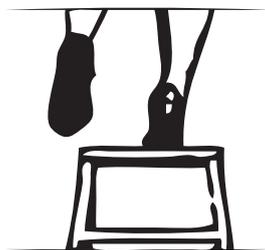
Анархисты — это все те, кто принимает постулат свободы и справедливости. Но анархизм — это не религиозный миф, не духовный культ, чуждый по отношению к тому, что делает и думает каждый человек, признающий его как свое кредо. Он ценен тем, практически делают его защитники, влиянием, которое оказывают его идеи на рабочую массу и человечество, сопротивлением злу, которое оказывают организации, вдохновляющиеся его целями. И без этой ценности действия и сознания невозможно отличить анархиста от верующих, что признают культ равенства, но ничего не делают со своей стороны, чтобы завоевать его.

E. Lopez Arango, D.A. de Santillan. *El anarquismo en el movimiento obrero*. Barcelona, 1925. P.37-76.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012



Эмилио Лопес Аранго и Диего Абад де Сантильян
Позиция в отношении анархизма и синдикализма
1925

Перевод: Вадим Дамье
aitrus.info